

2. *Гофман* Э.Т.А. Курдупель Цахес, якога звалі Цынобер / Э.Т.А. Гофман; пер. з ням. мовы В. Сёмухі. – Мінск, інтэрнэт-адрас: <http://kamunikat.fontel.net/www/knizhi/pieraklady/siomucha/hoffman/kurdupel/index.htm>.
3. *Гофман* Э. Т. А. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. Фантазии в манере Калло; Принцесса Бландина; Необыкновенные страдания директора театра: Пер. с нем. / Редкол.: А. Ботникова и др.; Сост. А. Ботниковой и А. Карельского; Комментар. Г. Шевченко. – М.: Худож. лит., 1991. – 494 с., ил.

МЕТАЛИТЕРАТУРНОСТЬ В ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО (СБОРНИК «ЧАСТЬ РЕЧИ»)

В. А. Синюк

Феномен металитературности необычайно заманчив для современных теоретиков и историков искусства слова. Причина этого интереса, пожалуй, очевидна: «тайны ремесла», механизмы творчества, закономерности и случайности в происхождении прекрасного не могут не волновать пытливые умы тех, кому не безразлична природа литературы и парадоксы эстетического сознания. Полномасштабное, исчерпывающее разрешение указанных проблем, вероятно, под силу лишь таким дисциплинам, как теория (философия) литературы и психология художественного творчества. Металитературность же – это попытка самого творца дать объяснение тому, что и как выходит из-под его пера, в чем смысл и какова судьба его деятельности в мировом культурном контексте. Иными словами, под металитературностью (термин введен в 1970 году У. Гассомом) ученые понимают «повествование о повествовании, художественную литературу о творческом процессе создания и социально-рецепционном бытии литературных произведений, когда сама креативность сознания становится предметом искусства, предметом самопознания и рефлексии» [3, с. 155]. Это явление любопытно не только тем, что призвано посвятить читателя и исследователя в секреты писательской лаборатории, – в нем непременно отражается индивидуальность мастера, его самовосприятие и мироощущение, а это, согласимся, необходимая информация для формирования литературоведческой концепции творчества того или иного автора.

Поэзия Иосифа Бродского – ярчайшего русского поэта второй половины 20 века – является уникальной по степени присущего ей аналитизма и рефлексивности. Устремленность за пределы возможностей поэтического искусства в философском объяснении действительности, тяготение к концептуализации, попытки расширить границы образа и приблизить его к понятию, умение «раззять» окружающий мир на детали и нюансы, и в то же время подчеркнуть всеобщую связь вещей – таковы, на мой взгляд, основополагающие свойства творчества Бродского. Аналитизм его поэзии направлен не только на внешнюю реальность, но и во внутренний мир самого по-

эта. В мастерстве образного воспроизведения хорошо знакомых ему эмоциональных состояний (обычно, к слову, передающихся в холодном свете аналитической отстраненности) Бродский достиг небывалых высот. Именно поэтому столь интересным представляется рассмотрение того, как поэт комментирует и оценивает свой творческий поиск.

Стихи, вошедшие в сборник «Часть речи», создавались Бродским с 1972 по 1976 гг., то есть в сложный для него период жизни: эмиграция в США (1972), первые годы которой спровоцировали духовный кризис, с большим трудом преодоленный поэтом. Экзистенциальный вакуум, опустошенность от разрыва с родиной, близкими, родным языком, влекущая за собой ощущение утраты смысла существования – такие настроения преобладают в сборнике. «Все то, что я писал в те времена, // Сводилось неизбежно к многоточью» [1, с. 37], – напишет Бродский в стихотворении «В озерном краю» (1972), передающем состояние невыразимой, лишаящей дара речи тоски от одиночества. Эта же тема будет развиваться в стихотворении «Темза в Челси»:

Эти слова мне диктовала
не любовь, и не Муза, но потерявший скорость
звука, пытливый, бесцветный голос;
я отвечал лежа лицом к стене.
«Как ты жил в эти годы?» – «Как буква “г” в “ого”».
«Опиши свои чувства». – «Смущала дороговизна».
«Что ты любишь на свете сильнее всего?»
«Реки и улицы – длинные вещи жизни». [1, с. 57]

Обратим внимание на то, как лирический герой – alter ego поэта – описывает источник своего вдохновения – это не традиционные для художника любовь или Муза, но «потерявший скорость звука, пытливый, бесцветный голос», иными словами – предельное отчаяние, граничащее с бессильным равнодушием, и вопреки, и благодаря которому создаются процитированные строки.

В стихотворении «Колыбельная Трескового мыса» (1975) основополагающие черты мировосприятия Бродского и его лирического героя явлены в концентрированном виде. Металитературный комментарий в этом произведении базируется на ощущении поэтом бессмысленности собственных творческих усилий, связанном, вероятно, с уверенностью автора: ни на что, кроме безмолвия и одиночества, он рассчитывать не может:

Я пишу эти строки, стремясь рукой,
их выводящей почти вслепую,
на секунду опередить «на кой»,
с оных готовое губ в любую
минуту слететь и поплыть сквозь ночь,
увеличиваясь и проч. [1, с. 121]

В 1987 г. на церемонии вручения Нобелевской премии Иосиф Бродский высказал одну из самых заветных своих идей: «Если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература, и в частности, поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собою, грубо говоря, нашу видовую цель» [2]. Эта мысль не просто воплощена в стихотворениях сборника, – ее фундаментальность в своей эстетической концепции поэт подчеркивает самым названием книги. «Часть речи» – это Слово, оставленное человеком на земле как самое ценное и высокое наследие: «От всего человека вам остается часть // речи. Часть речи вообще. Часть речи» [1, с. 111].

В стихотворении «1972 год» Бродский с предельной ясностью раскрывает смысл и назначение своего творчества:

Слушай, дружина, враги и братие!

Все, что творил я, творил не ради я

славы в эпоху кино и радио,

но ради речи родной, словесности.[1, с. 34]

Как видим, идея, высказанная в этих стихах, вполне созвучна мысли из «Нобелевской лекции».

Мировоззрению Бродского была близка распространенная среди лингвистов структуралистского толка концепция о языке как о «доме бытия», в которой язык наделялся онтологическим статусом и рассматривался как субстанция, оказывающая первостепенное влияние на формирование человеческого взгляда на мир. Человек в этой теории – своего рода «заложник» языковой стихии, вынужденный подчиняться ее законам и быть ведомым ею на пути постижения действительности. Эту идею Бродский распространял в первую очередь на поэта – человека, постоянно находящегося в контакте с законами языка и, более того, в прямой зависимости от них.

Вновь обратимся к Нобелевской лекции: «Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал» [2]. Это рассуждение содержит в себе справедливый с точки зрения психологии художественного творчества тезис о во многом бессознательной, неподотчетной природе искусства. Подобного рода идеи высказывались Бродским и в сборнике «Часть речи». Например, в стихотворении «Бабочка» легкому, непредсказуемому полету насекомого поэт уподобляет процесс создания поэтического произведения:

Так делает перо,

Скользя по глади

Расчерченной тетради,
Не зная про
Судьбу своей строки... [1, с. 39]

Психологическая природа поэзии, как и искусства в целом, позволяет проявляться и «проговариваться» самым потайным и скрытым от непосредственного наблюдения явлениям человеческой души, поэтому Бродский в стихотворении «Декабрь во Флоренции» (1976) утверждает: «Чернила честнее крови» [1, с. 130], воспринимая эту «честность» как «ключ» к самопознанию.

Сказанное убеждает нас в следующем: металитературность является значимой чертой поэтики творчества Бродского (в частности сборника стихов «Часть речи»), раскрывающей читателю специфику творческой индивидуальности поэта, позволяющей глубже изучить драматичный и завораживающий мир его души с царящим в нем беспокойством о судьбе поэтического слова.

Литература

1. Бродский И. А. Часть речи: Стихотворения / И.А. Бродский. – СПб., 2004.
2. Бродский И. Нобелевская лекция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt>
3. Чупринин С. Русская литература сегодня: жизнь по понятиям / С. Чупринин. – М., 2007.

ПАМЫЛКІ Ў БЕЛАРУСКІМ МАЎЛЕННІ БІЛІНГВАЎ: ПСІХАЛІНГВІСТЫЧНЫ АСПЕКТ

А. М. Чарнавокая

Псіхалінгвістыка – навука, што існуе на мяжы лінгвістыкі з псіхалогіяй. Складанасці, з якімі сутыкаецца чалавек пры засваенні другой мовы (мовы В) уяўляюць цікавасць для псіхалінгвістаў, бо могуць быць карыснымі для вывучэння кагнітыўных і моўных працэсаў. Падаецца цікавым прааналізаваць з пункта гледжання псіхалінгвістыкі і памылкі ў беларускім маўленні, што з’яўляюцца ў выніку міжмоўнай інтэрферэнцыі.

У лінгвістыцы пад інтэрферэнцыяй разумеюць узаемадзеянне моўных сістэм ва ўмовах двухмоўя, якое складаецца пры моўных кантактах альбо пры індывідуальным засваенні няроднай мовы (мовы В) і выяўляецца ў адхіленнях ад нормы і сістэмы другой мовы пад уплывам роднай (мовы А). Двухмоўнага індывіда яшчэ называюць білінгвам, прычым білінгвізм разглядаецца як кантынуум, што ўключае як элементарнае веданне кантактнай мовы, так і поўнае, вольнае валоданне ёю.

Пры карыстанні дзвюма мовамі, паводле У. Вайнрайха, у білінгва можа адбыцца моўны зрух (мова А замяняецца мовай В), пераключэнне (у залежнасці ад абставінаў моўца звяртаецца то да першай, то да другой